

МОСТОРСПРАВКА
 ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
 403009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
 НОВОСИБИРСК

г. Новосибирск

14 ИЮН 1986

ГЛУБОКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Сегодня исполняется 100 лет со дня смерти
 А. Н. Островского

С именем А. Н. Островского связаны яркие страницы истории театров Новосибирска.

Еще в шестидесятые годы на наших сценах его явно предпочитали всем классикам. Любители театра до сих пор рассказывают друг другу, как они по три-четыре раза ходили на «Мудреца» на краснофакельской сцене в постановке М. Владимирова, такой это был блестящий спектакль, не только по подбору исполнителей, но по силе своих приговоров, гневных, страстных, негодующих. На сцене торжествовал бичующий Островский, тень Шедрина осеняла этот спектакль, актеры не жалели сил «для срывания всех и всяческих масок» с крепостнических побуждений героев. Спектакль по актерским краскам очень свежий, яркий, дерзкий, смешной — вместе с тем отмеченный глубоким социальным подходом, подлинным историзмом.

Режиссер К. Чернядев, ставя «Грозу», дорожил ощущением романтической трагедии. Катерина в каком-то мистическом сумраке всматривалась в свою судьбу, и не было там для нее иного пути, кроме запретной любви, не было исхода, кроме омута. Из последних сил пыталась она отодвинуть пророчество, но руки, протянутые за помощью, хватили пустоту, но жизнь вокруг разворачивалась как цепь мрачных знаков, пугающих намеков.

Романтический, трагический Островский... В нем вдруг проступили черты более позднего искусства, мотивы, свойственные отчасти Достоевскому, отчасти экспрессионистским драмам нашего века. В красивом и нежном акварельном спектакле И. Борисова «Таланты и поклонники» сквозила терпкая чеховская печаль: его Негина уже знала то, о чем у Чехова скажет другая молодая актриса: «Умей нести свой крест и веруй! Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни». Однако глубокая и тонкая лирическая драма Борисова подводила нас к трезвому осознанию иллюзорности спасения от жизни даже и в «призвании».

А были ведь еще «Свои люди — сочтемся» в постановке Л. Белова на сцене Новосибирского ТЮЗа, спектакль, радующий яркой театральностью, и очень пронзительный, если брать Подхалюзина и Липочку, в своих тревогах и опасениях.

Удивительный автор! Удивительный мир его, в котором «далеко видно во все стороны света», который готов принять в себя всех и вся и заранее открыт, распахнут для любых, казалось бы, художественных решений. Декорациям «волжских просторов» принято было аплодировать в старом театре. Но вот выяснилось, что Островский совершенно свободно выдерживает и «раздетую» сцену, и «одетую как попало», как это было у нас, когда молодые любители из студенческого театра сатиры играли Островского, насмешничая над собственными актерскими усилиями.

При всем при том Островский и здесь взял свое — легко страхнул с себя плотный быт (на самом деле он у него не плотный, он легко расступается, как вода в волшебной речке), старые моды и костюмы и вышел к залу блестящим дерзким остроумцем, который знает,

что сказать сегодняшним предприимчивым молодым людям по поводу «Доходного места». Вот это главное: сквозь все усилия моды он знает, что сказать.

Почему же новосибирские театры недостаточно настойчивы в желании его играть? Сегодня на сценах новосибирских театров не идет ни одной его пьесы. Ведь Островский — их автор. Островский любил театр и людей театра, дружил с ними, ссорился, писал пьесы к актерским бенефисам. А какие замечательные у него пьесы про актеров, про театр. Он мечтал о переустройстве театрального дела в России (об этом же самом так много пишем и говорим мы!). Он сам брал на себя функции режиссера, когда пьеса готовилась к постановке в Малом театре или Александринке. Старый Островский сидел в кулисах и слушал со сцены текст: «Что, Александр Николаевич, хорошо играют? — Нет, хорошо написано!». Но ведь то, что хорошо написано, хорошо играть! Не случайно ведь так много крупных, значительных актерских удач в его спектаклях. Вспомним, какие яркие живые краски были у Л. Борисовой в ролях Мамаевой и Кабанихи, у К. Захарова — Глумова, у М. Бибера — неподражаемого Мамаева. Вспомним Тихона в исполнении И. Полякова, и Крутицкого В. Харитоновна. Вспомним ТЮЗ — прекрасный актерский дуэт Широной и Чумичева (Липочка и Подхалюзин), незабвенная Устинья Наумовна А. Гаршиной в «Своих людях» и ее же Кручинина в «Без вины виноватых», и как зал всегда плакал во время ее монологов. А вспомним А. Неваева в роли Незнамова, а Г. Шустера — Шмагу...

Да что говорить! Островский знал театр. Знал, что, призванный давать людям силы для жизни, сам он подчас терпит от жизни, превращаясь в сомнительное предприятие «без божества, без вдохновенья», где по звонку помрежа вяло бредут на сцену равнодушные статисты. Искусство в его пьесах часто оказывается у жизни в лапах, как оказывается в тисках своих поклонников самая прелестная, самая загадочная его героиня — Саша Негина.

Но вот в той же пьесе есть написанная Островским сцена ночного сбора после удачного Сашиного бенефиса. И кажется, что все актеры, о которых с такой любовью писал Островский, незримо участвуют в ней. Кто-то зажжет свечи, кто-то разольет чай, кто-то тихонько споет под гитару, и не будет здесь ни первых любовников, ни вторых сюжетов, все будет равно, и будет общий праздник исполненного человеческого назначения.

Мотив спасительной магии искусства, раскрепощающего, распрямляющего человека, дающего ему силы противостоять грубой, без идеалов жизни, высоко и чисто звучит в творчестве Островского. И нам понятно, почему именно он достроил здание русского театра, начатое Фонвизиним, Пушкиным, Гоголем. Почему на ступенях его дома, на его могиле, у подножья его памятника в так любимом актерами Щелькино всегда лежат цветы.

В. ЛЕНДОВА.